

ОРТОДОКСІЯ И ЧЕЛОВѢЧНОСТЬ

(ПРОТ. ГЕОРГІЙ ФЛОРОВСКІЙ. ПУТИ РУССКАГО БОГОСЛОВІЯ :
1937. YMCA-PRESS).

Книга о. Георгія Флоровскаго названа невѣрно, нужно было назвать «Безпутство русскаго богословія» и даже въ виду широкаго захвата книги «Безпутство русской мысли» или «Безпутство русской духовной культуры». Книга имѣетъ рядъ качествъ: новизна темы, на которую у насъ не было книгъ, написана она талантливо, хотя и въ нѣсколько искусственномъ стилѣ, читается съ большимъ интересомъ, въ ней есть взволнованность и эмоциональность, которая авторъ такъ осуждаетъ, въ ней есть удачныя характеристики, есть независимость мысли, обнаруживаются огромныя знанія, обширная ученость, въ концѣ книги есть цѣнная библиографія, занимающая болѣе пятидесяти страницъ. О. Г. Флоровскій пользуется исключительно методомъ характеристики, онъ не даетъ исторіи идей и проблемъ. Такая книга могла быть написана лишь послѣ русскаго культурнаго ренессанса начала XX вѣка, но благодарности въ ней нѣтъ. Она продиктована не любовью, а враждой, въ ней преобладаютъ отрицательныя чувства. Это книга духовной реакціи, охватившей души послѣ войны и революціи. Все духовно реакціонное о. Г. Флоровскій въ сущности одобряетъ, но съ оговорками и съ требованіемъ большей умственной утонченности. Впрочемъ политическая реакціонность не играетъ никакой роли въ книгѣ. Автору какъ-будто бы чужда идея связи православія съ священной монархіей. Это есть реакція противъ человѣка и человѣчности, столь характерная для нашей эпохи, требованіе внутренняго порядка и успокоенности. Но въ самомъ авторѣ успокоенности не чувствуется, въ немъ чувствуется безумное безпокойство объ ортодоксальности. Реакція противъ человѣческаго принимаетъ формы страстной реакціи противъ романтизма. При этомъ категория романтизма оказывается столь обширнаго захвата, столь универсальной, что романтизмъ обличается даже въ

богословской мысли ХУП вѣка, даже въ расколѣ. Вся русская мысль была романтична, вся она была подъ вліяніемъ Запада, Западъ же романтиченъ. Какъ будто бы на Западѣ не было классицизма! Томизмъ, играющій преобладающую роль въ западномъ католичествѣ, есть, конечно, классицизмъ и томисты враждебны романтизму. Острая борьба противъ романтизма велась въ послѣдній періодъ именно на Западѣ и въ формахъ очень схожихъ съ борьбой о. Г. Флоровскаго. Достаточно назвать книгу П. Лессера «*Le Romantisme Français*», рядъ книгъ Сейллиера противъ романтизма, Шарля Морраса, Карла Шмидта, Е. д Орса, томистовъ. При этомъ подъ романтизмомъ понимается освободительный процессъ новаго времени, развитіе эмоциональной жизни человѣка, романтизмъ взводится къ Фенелону и Руссо. Читая книгу о. Г. Флоровскаго, остается впечатлѣніе, что не только русское богословіе, но и всю русскую духовную культуру погубили чувствительность, эмоциональность, сострадателность, возбужденность, впечатлительность, мечтательность, воображеніе, экстаичность, т. е. въ концѣ концовъ, человѣчность. О. Г. Флоровскій говоритъ, что даръ «всемірной отзывчивости» русскихъ (слова Достоевскаго) — роковой и двусмысленный даръ. Его книга есть въ сущности судъ надъ русской душой. Авторъ византиецъ, онъ не любитъ русскаго, ему противно «русское христіанство», хотя непонятны почему «византийское христіанство» лучше передъ судомъ христіанскаго универсализма. Самъ о. Г. Флоровскій можетъ быть признанъ романтикомъ, въ немъ большая эмоциональность, возбужденность, чувствительность, впечатлительность. Иногда кажется, что въ борьбѣ противъ романтизма онъ ведетъ борьбу противъ самого себя, это вѣдь часто бываетъ. Напр. Ш. Моррасъ, который ненавидитъ романтизмъ, — типичный романтикъ. Византизмъ о. Г. Флоровскаго есть также романтизмъ. Это тоска по умершему міру. Романтизмъ принимаетъ формы не только эмоциональной идеализаціи природно-стихійнаго, но и эмоциональной идеализаціи историческаго прошлаго, историческаго преданія. Этотъ мотивъ былъ силенъ у нѣмецкихъ романтиковъ, онъ силенъ и у о. Г. Флоровскаго. Книга написана противъ соблазновъ, пережитыхъ русской душой, соблазновъ морализма, соціальнаго утопизма, эстетизма, психологизма и противопоставляется этимъ соблазнамъ историческій позитивизмъ. Морализму противопоставляется прежде всего историзмъ, что возможно лишь при полномъ забвеніи Евангелія. Самъ о. Г. Флоровскій тоже подверженъ соблазну, онъ подверженъ соблазну историзма. Онъ закованъ въ «историческомъ», для него христіанство вполне вмѣщается въ исторію, онъ какъ будто не чувствуетъ трагическаго конфликта христіанства и исторіи. Но вѣдь вся

христіанская есхатологія зв'язана съ этимъ конфликтомъ. Имен-но, вслѣдствіи своей закованности въ «историческомъ» о. Г. Флоровскій совсѣмъ не богословъ и не метафизикъ. Ему ближе всего историческая школа въ богословіи. Поэтому, въ книгѣ его нельзя найти исторіи богословской мысли, онъ совсѣмъ не входитъ въ богословскую проблематику по существу, его интересу-етъ историческая и психологическая атмосфера, климатъ, въ которомъ жила русская мысль, что, конечно, представляетъ не-сомнѣнный интересъ.

Отношеніе о. Г. Флоровскаго къ исторіи двойственное и необходимо вскрыть эту двойственность. Онъ противопоставля-етъ исторію, историческое всѣмъ соблазнамъ, которымъ подвер-галась русская богословская мысль. Но онъ нигдѣ не пытается раскрыть свои мысли объ исторіи, какъ впрочемъ и вообще не раскрываетъ своихъ положительныхъ мыслей. Въ отношеніи къ исторіи онъ повидимому стоитъ на точкѣ зрѣнія религіознаго консерватизма. Но религіозный консерватизмъ совершаетъ ошибку въ отношеніи къ времени, онъ противопоставляетъ те-кучему настоящему и будущему не вѣчное, а прошлое, т. е. та-кое же текучее время. Непонятно, почему прошлое только по-тому, что оно пршлое, лучше настоящаго и будущаго. Это столь же ошибочно, какъ и обратное утвержденіе. Вѣчное можетъ про-рываться въ настоящемъ и будущемъ, какъ оно прорывалось и въ прошломъ. И прошлое грѣшило дурнымъ человѣческимъ, имъ грѣшитъ настоящее и будетъ грѣшитъ будущее. Въ традиціи есть элементъ вѣчнаго, но есть и слишкомъ много временнаго, преходящаго, человѣчески-относительнаго. Византизмъ, какъ раскрывшійся во времени духовный типъ, нисколько не лучше многихъ другихъ духовныхъ типовъ, а часто и хуже, онъ при-надлежитъ историческому времени. Думаю, что русскій духовный типъ много выше византійскаго, потому что болѣе человѣченъ. Философскія идеи патристики нисколько не болѣе могутъ претен-довать на абсолютное и вѣчное значеніе, чѣмъ философскія идеи Канта или Гегеля. Вѣчное въ духовномъ, а не въ историческомъ. Интересно, что у о. Г. Флоровскаго есть соблазнъ историзма, но у него нѣтъ чувства исторіи, исторической динамики. Не имѣетъ чувства и пониманія историческаго свершенія тотъ, кто въ боль-шей части исторіи видитъ лишь соблазнъ, не видитъ религіознаго смысла историческихъ испытаній человечества, вся діалектика филоофскаго развитія, гуманизмъ, освобожденіе человѣка отъ рабства, социализмъ, ростъ техники и пр., оказываются лишь со-блазномъ и ересью. Болѣе того, вся исторія западнаго міра, т. е. наиболѣе историческаго, даже міра средневѣковаго, есть заблуж-деніе и отпаденіе отъ истины. Настоящая исторія обрывается съ

византизмомъ. Русская исторія есть тоже отпаденіе, соблазны, еретическіе уклоны. Настоящаго православія въ Россіи никогда не было. О. Г. Флоровскій совсѣмъ не понимаетъ, что и процессъ секуляризаціи имѣетъ положительный религіозный смыслъ, что и европейскій гуманизмъ есть явленіе христіанское. При такомъ отношеніи къ исторіи очень трудно держаться за исторію, какъ того хочетъ о. Г. Флоровскій, и противопоставлять ее соблазнамъ «духовнаго» христіанства. Почва на которой онъ стоитъ, очень зыбкая, исторія зыбка. О. Г. Флоровскій не можетъ понять основной темы русской религіозной мысли XIX вѣка — религіозное, христіанское осмысливаніе мірового гуманистическаго опыта, опыта свободы, опыта разворачиванія усложненной человѣчности. Русская душа раскрылась для этого огромнаго и значительнаго опыта и высказала свои мысли объ этомъ опытѣ. Повтореніе мыслей греческой и византійской патристики означало бы непониманіе самой темы, отрицаніе этой темы. У человѣка можетъ быть новый опытъ, новыя исканія, ему могутъ открыться новые горизонты. Опытъ византизма былъ ограниченъ, горизонты сдавлены, многія темы еще не стали передъ христіанскимъ сознаниемъ. Міръ этотъ имѣлъ свою миссію, онъ имѣлъ духовныя достиженія. Но въ немъ былъ элементъ упадочности, онъ кончился, умеръ не въ своемъ вѣчномъ, а въ своемъ временномъ. И питаніе изъ разложившагося міра можетъ заразить трупнымъ ядомъ. О. Г. Флоровскій не проникаетъ въ смыслъ исторической динамики, онъ все время «судитъ, казнить и милуетъ», въ чемъ обвиняетъ Голубинскаго. Онъ самъ руководится «страхомъ и ненавистью», въ чемъ обвиняетъ другихъ. Онъ мало кого «помиловалъ» въ исторіи русскаго богословія, большую часть «казнилъ». Но дѣлаетъ это онъ не въ грубой формѣ, «казнить» часто въ формѣ тонкой характеристики, ядовитость которой не бросается въ глаза. Онъ очень самообольщается, думая, что ему свойственна историческая чуткость. Историческая чуткость не есть «судъ и казнь», не есть раздача аттестатовъ въ ортодоксіи или ереси, историческая чуткость есть проникновеніе въ смыслъ совершающагося.

О. Г. Флоровскій въ своей книгѣ обнаруживаетъ полную атрофію чувства социальной правды, какъ религіозной проблемы. Онъ не понимаетъ темы моральнаго негодованія противъ неправды и угнетенія человѣка. Онъ считаетъ возможнымъ упрекать Вл. Соловьева за то, что тотъ искалъ социальной правды, хотѣлъ осуществленія христіанской правды въ социальной жизни. Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что въ его византійскомъ православіи нѣтъ по настоящему человѣка. Когда на человѣка смотрятъ исключительно какъ на существо грѣховное и спасающееся, то

униженіе челоуѣка, поруганіе его достоинства не трогаеть. О. Г. Флоровскій совсѣмъ не обращаетъ вниманія на то, что русская душа культурнаго слоя была ранена страшною неправдою крѣпостнаго права, униженія челоуѣка самовластьемъ и что это отпечатлѣлось на всей русской мысли. Для него это исключительно сентиментализмъ, ложная чувствительность. Поэтому ему чужда и непонятна русская мысль XIX вѣка, ея исканія правды о челоуѣкѣ, ея челоуѣчность. Характерно, что о. Г. Флоровскій, который въ сущности пишетъ исторію русской духовной культуры и русскаго сознанія, совсѣмъ пропустилъ Бѣлинскаго, одну изъ самыхъ центральныхъ фигуръ въ исторіи русскаго сознанія XIX вѣка и русскихъ исканій правды. Глубина вопроса совсѣмъ не въ томъ, что гуманизмъ, освобожденіе челоуѣка, социализмъ и пр. подмѣняютъ собой религію, а въ томъ, каковъ положительный религіозный смыслъ этихъ явленій. Въ христіанскій періодъ исторіи всѣ значительныя явленія въ челоуѣческихъ судьбахъ имѣютъ внутренне христіанскій характеръ. Какъ это ни странно, но у о. Г. Флоровскаго есть формальное сходство съ о. П. Флоренскимъ, имъ обоимъ свойственно нравственное и социальное равнодушіе, но у о. П. Флоренскаго есть большая духовная чувствительность. О. Г. Флоровскій повидимому считаетъ нравственную чувствительность и повышенную соувѣстливость утопизмомъ. Онъ борется не только противъ романтизма, но и противъ утопизма. Онъ видитъ у русскихъ людей злоупотребленіе категоріей идеала. У русскихъ нигилистовъ онъ обличаетъ прежде всего анти-историческій утопизмъ. Онъ не допускаетъ возстанія противъ исторіи, хотя бы то было возстаніе противъ великой неправды и лжи. Все можетъ быть оправдано, какъ исторія. Непонятно только, почему не оправданной исторія русской мысли, почему оказалось осужденнымъ то, что является достояніемъ русской исторіи. И русскій нигилизмъ есть исторія, и русская революція есть исторія, принадлежитъ историческому. Вотъ чѣмъ опредѣляется отношеніе о. Г. Флоровскаго къ исторіи: для него христіанство настолько вмѣщается въ исторію, что трагическій конфликтъ христіанства и исторіи оказывается недопустимымъ. Между тѣмъ какъ этотъ конфликтъ есть очень важное событіе исторіи. Самъ о. Г. Флоровскій все время производитъ сортировку въ исторіи и при этомъ слишкомъ многое оказывается внѣ его пониманія историческаго. Большая часть исторіи русской богословской, философской, социальной мысли падаетъ жертвою этой сортировки. Непонятно, почему византизмъ оказывается исторіей и историческимъ по преимуществу. Изъ смысла исторіи выпадаетъ почти весь Западъ.

Но вотъ что самое главное, съ чѣмъ связана у о. Г. Флоровскаго вся конструкція исторіи русскаго богословія. Онъ держится совершенно ошибочнаго и устарѣвшаго противоположенія Россіи и Запада. Это противоположеніе онъ заимствовалъ у русской мысли XIX в., но съ той оригинальностью, что онъ онтологически отрицательно не только къ Западу, но и къ Россіи, такъ какъ она поддалась вліянію Запада. Западу онъ противопоставляетъ византійскій Востокъ. Онъ относится критически и отрицательно къ русскому христіанству и русскому богословствованію на томъ основаніи, что всюду онъ видитъ въ немъ западное вліяніе. Это основная мысль книги. Русское православіе сначала было безмысленнымъ. Когда же мысль пробудилась, то оно оказалось подавленнымъ западн. вліяніемъ. Руссизмъ о. Г. Флоровскій считаетъ западнымъ. Все же западное стоитъ подъ отрицательнымъ знакомъ и есть отклоненіе отъ истиннаго пути. Всѣ несчастья русскаго богословія и русской мысли — послѣдствія разрыва съ византизмомъ. Но византизмъ пришелъ въ упадокъ и умеръ, на этомъ кончилось и истинное развитіе мысли, началось блужданіе. Ничего своего повидимому Россія имѣть не можетъ, она можетъ имѣть лишь византійское или западное. Къ Западу о. Г. Флоровскій относится гораздо болѣе отрицательно, чѣмъ славянофилы, Достоевскій, К. Леонтьевъ, но противопоставляетъ ему не своеобразіе Россіи и русскаго народа. Для него и славянофилы слишкомъ западные, онъ обвиняетъ ихъ въ европеизмѣ и романтизмѣ и не безъ основанія. Даже святыхъ онъ не пощадилъ. У Св. Дмитрія Ростовскаго онъ видитъ католическія вліянія, у Св. Тихона Задонскаго вліянія Арандта («Объ истинномъ христіанствѣ») и западнаго христіанскаго гуманизма, что впрочемъ совершенно вѣрно. Характеристика Петра Великаго у него самая злая и беспощадная. Онъ совсѣмъ какъ будто бы не понимаетъ необходимости и значенія реформъ Петра, выхода Россіи изъ замкнутаго состоянія въ міровую ширь, приобщенія къ міровой культурѣ. Но что такое этотъ роковой «Западъ», заразившій Россію романтизмомъ, гуманизмомъ и всѣми болѣзнями? Вотъ тутъ и скрыта главная ошибка. Этого «Запада» не существуетъ, онъ есть выдумка славянофиловъ и русскихъ восточниковъ XIX вѣка, которую о. Г. Флоровскій цѣликомъ заимствуетъ. Единства «западной» культуры нѣтъ, говорить можно лишь объ единствѣ міровой культуры, объ универсальныхъ элементахъ въ культурѣ. З. Европа не представляетъ одинаго «культурно-историческаго типа», употребляя выраженіе Н. Данилевскаго. Единство «германо-романскаго культурно-историческаго типа» есть выдумка, это есть обманъ зрѣнія людей, погруженныхъ въ русскій востокъ, это есть порожденіе русско-провинціальной мыс-

ли. На Западѣ только и говорятъ сейчасъ о томъ, что нужно создать единство Европы, котораго нѣтъ. Между французской культурой и нѣмецкой культурой существуетъ пропасть гораздо большая, чѣмъ между нѣмецкой и русской культурой. Для типично мыслящаго француза Германія есть глубокой Востокъ, Востокъ ирраціональный, совершенно непонятный и непроницаемый. Для нѣмцевъ Франція есть раціоналистическій Западъ, которому они противопоставляютъ германскій ирраціонализмъ, мистическое чувство жизни. Совсѣмъ тоже самое славянофилы говорили о Западѣ, въ который была включена и Германія. Границы Востока и Запада очень подвижны. Еще Фр. Шлегель и нѣмецкіе романтики говорили совершенно то же о Западѣ (Франція и Англія), что славянофилы потомъ говорили о Западѣ вообще, т. е. обвиняли его въ раціоналистической разсѣченности, отсутствіи органической цѣлостности и пр. Р. Вагнеръ построилъ органическое ученіе о культурѣ, очень близкое славянофильству, и противопоставилъ его французскому и англо-саксонскому Западу. Англо-саксонскій «культурно-историческій типъ» опять совсѣмъ особенный, отличный отъ французскаго и германскаго. Никакого западнаго, «романо-германскаго» типа не существуетъ, существуютъ лишь универсальные элементы культуры, связанные съ античностью, въ національныхъ, партикуляристическихъ типахъ культуры западнаго міра. Русскій «культурно-историческій типъ» нужно сопоставлять не съ «западнымъ», не съ «романо-германскимъ», а съ національными культурными типами германскимъ, французскимъ, англійскимъ и пр. «Славянскаго» же «культурно-историческаго типа» ужъ навѣрное не существуетъ. Русскіе по своей культурѣ больше общаго имѣютъ съ нѣмцами и французами, чѣмъ съ чехами, поляками или сербами. Нужно спрашивать не о томъ, оригинальна ли русская культура и русская мысль по сравненію съ западной, а оригинальна ли она по сравненію съ нѣмецкой, французской, англійской, оригинальна она внутри самихъ западныхъ культуръ. Культуры всегда имѣютъ индивидуализированныя и національныя формы, но имъ присущъ универсализмъ имманентный, не просто заимствованный извнѣ. То, что Россія есть Востокъ и Западъ, какъ разъ благопріятствуетъ русскому универсализму. Западные вліянія въ русской культурѣ и русской мысли были раскрытіемъ русскаго универсализма, пріобщеніемъ къ универсальной мысли. Въ русской религіозной мысли напр. порвалась связь съ платонизмомъ, но платонизмъ былъ обрѣтенъ черезъ западныя вліянія, хотя въ немъ ничего специально западнаго нѣтъ. Все построение о. Г. Флоровскій оказывается искусственнымъ и не соответствующимъ реальностямъ, символически именуемымъ Запа-

домъ. Нужно признать одинаково устарѣвшимъ и славянофильство и западничество. Западничество есть тоже провинціально-русское явленіе, которое уже изжито.

Искусственность построения о. Г. Флоровскаго особенно сказывается на его оцѣнкѣ русской религіозной философіи. Онъ видитъ въ ней подавляющее вліяніе нѣмецкой философіи и западный романтизмъ. Но онъ совсѣмъ не хочетъ считаться съ тѣмъ, что нѣмецкая философія XIX вѣка была просто міровой философіей, вершиной философской мысли своего времени, подобно тому, какъ въ эпоху патристики вершиной философской мысли была философія греческая, философія Платона, Аристотеля, неоплатонизма. Учителя церкви пользовались категоріями мысли греческой философіи, единственной философіи своего времени, и безъ ея услугъ не могли двигаться въ своемъ богословствованіи, даже въ выработкѣ самихъ догматическихъ формулъ. Замѣчательная индусская философія была въ то время неизвѣстна, отъ нея были отрѣзаны. Существуетъ аналогія между вліяніемъ Платона, Аристотеля и неоплатонизма на патристическую и схоластическую мысль и вліяніемъ Канта, Гегеля, Шеллинга на русскую религіозную мысль. Учителя церкви въ своемъ мышленіи нисколько не менѣе зависѣли отъ философіи, чѣмъ русскіе религіозные мыслители XIX и XX вѣка. Философія «язычниковъ», Платона и Аристотеля не была болѣе христіанской, чѣмъ философія Гегеля и Шеллинга, все же проникнутыхъ христіанскими элементами. Богословія совершенно независимаго отъ философіи никогда не было и не будетъ. Богословіе не есть религіозное откровеніе, богословіе есть реакція человѣческой мысли на откровеніе и эта реакція зависитъ отъ категорій философской мысли. Эллинизмъ о. Г. Флоровскаго хочетъ очевидно абсолютизировать категоріи греческой мысли, признать ихъ вѣковѣчными. Въ этомъ у него сходство съ томизмомъ, который признаетъ универсальность греческаго интеллектуализма. Но о. Г. Флоровскій находится въ гораздо худшемъ положеніи. Совсѣмъ не видно, чтобы онъ былъ платоникомъ или аристотелевцемъ, вообще не видно, какую философію онъ призналъ бы соотвѣтствующей православію и потому на вѣки истинной. Онъ никакой философіи не противопоставляетъ увлеченію русской мысли философіей германской. Онъ просто противопоставляетъ православіе, православное богословіе, наивно почитая его независимымъ отъ философіи. Но ему все таки приходится, поскольку онъ богословъ, оперировать съ понятіями личности, сущности, творенія, свободы, времени и пр. На какую же философію все это опирается? О. Г. Флоровскій обвиняетъ «модернизмъ», въ которомъ повинна вся русская мысль, въ нелѣпомъ противоп-

ложеніи современной философіи, все равно какой, Канта или Гегеля, Лотце или Бергсона, вѣчной истинѣ патристики, христіанской догматикѣ, въ концѣ концовъ, откровенію. Но никто такого глупаго противоположенія не дѣлалъ. Философіи противоплагаютъ философіи же, философію Канта, Гегеля, Шеллинга, Бергсона или др., противоплагаютъ философіи же въ патристикѣ и схоластикѣ, философіи Платона или Аристотеля. Патристика была пропитана философскими элементами, взятыми изъ реческой философіи. И весь вопросъ въ томъ, является ли греческій интелектуализмъ патристики вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Этотъ греческій интелектуализмъ происходитъ отъ человѣка, а не отъ Бога. О. Г. Флоровскій дѣлаетъ то же, что дѣлала схоластика, но это у него совсѣмъ не обосновано и неразвито. Православный Востокъ не имѣлъ своего Св. Фомы Аквината. О. Г. Флоровскій поклоняется даже не эллинизму, а византизму, коотрый философски былъ уже упадкомъ. «Объективизмъ» его совсѣмъ не обоснованъ, онъ просто навязывается какъ догматъ, какъ признакъ православія. Онъ очень облегчаетъ себѣ положеніе тѣмъ, что не раскрываетъ своихъ положительныхъ взглядовъ, богословскихъ и философскихъ, оставаясь лишь критикомъ. Иначе обнаружился бы слабость его позиціи. Особенно непонятно, что такое истинное православное богословіе, истинная православная философія. Учителя церкви очень между собой разногласятъ и самъ о. Г. Флоренскій находитъ у нихъ еретическіе уклоны, если они не согласны съ нимъ.

Западъ для Россіи ХУШ и ХІХ в. былъ просто приобщеніемъ къ міровой культурѣ и мысли. Въ ХУШ вѣкѣ это былъ процессъ поверхностный, въ ХІХ вѣкѣ болѣе углубленный. Извѣстно, что Гегель въ Россіи ХІХ в. сдѣлалъ огромную карьеру. Но не слѣдуетъ забывать, что болѣе оригинальные мыслители, какъ Хомяковъ и Вл. Соловьевъ, прошли черезъ гегеліанскую школу мысли, но не были гегеліанцами и даже остро критиковали Гегеля, обличая его отвлеченность, его рационализмъ и монизмъ. У насъ было два кризиса гегеліанства въ разныхъ формахъ, у Хомякова и Бѣлинскаго. О. Г. Флоровскій совсѣмъ не вникаетъ въ различія русской мысли отъ германскаго идеализма. Той творческой переработкѣ германскаго идеализма, которую у насъ пытались дѣлать, обращаясь къ конкретному и реальному, противоплагать можно или совершенное православное безмысліе, т. е. обскурантизмъ, или возвратъ къ византизму, т. е. отрицаніе всей мысли вѣковъ новой исторіи. Это аналогично на Западѣ возврату къ Св. Фомѣ Аквинату съ отрицаніемъ значенія Декарта, Канта, Гегеля и всего діалектическаго развитія философіи, всего изживанія судебъ познанія въ мірѣ. О. Г. Флоровскій въ сущности

отрицаетъ всѣхъ, всю русскую богословскую и философскую мысль, повсюду обличаетъ западное вліяніе. Но этимъ онъ принужденъ отрицательно относиться къ тому, что русскіе начали мыслить, хотя самъ онъ не обскурантъ и не враждебенъ мысли. Онъ скорѣе преувеличиваетъ значеніе богословія и интеллектуального элемента въ религіозной жизни, онъ очень мало говоритъ о духовной жизни, о святыхъ, о томъ, что можно назвать русской духовностью. Нѣкоторыя характеристики его должны быть признаны удачными. Таковы характеристики раскола, хотя онъ непонятно игнорируетъ протоп. Аввакума, самаго замѣчательнаго русскаго писателя допетровской эпохи, масонства, которому онъ справедливо приписываетъ большое положительное значеніе, эпохи Александра I, официального богословія, Побѣдоносцева, Флоренскаго (объ характеристики близки къ сдѣланной мной), даже нѣкоторыхъ чертъ русскаго ренессанса начала XX вѣка. Нѣкоторыя характеристики двусмысленны, напр. Архимандрита Фотія, которому о. Г. Флоровскій во многомъ сочувствуетъ, но не можетъ вполне одобрить и порицаетъ не столько за изувѣрство, сколько за психологическое сходство съ обличаемыми имъ «мистиками». Болѣе другихъ онъ пощадилъ митрополита Филарета, но и его обвиняетъ въ западническихъ вліяніяхъ эпохи Александра I. Пощадилъ онъ также Хомякова, но не говоритъ о новизнѣ хомяковскаго ученія, о свободѣ и соборности. Къ Достоевскому о. Г. Флоровскій благосклоненъ, но не видитъ его духовной революціонности. Слишкомъ хвалитъ онъ Еп. Феофана Затворника, который былъ мало оригиналенъ, какъ мыслитель, не чувствовалъ никакихъ проблемъ и высказывалъ возмущающіе нравственные и социальныя взгляды. Очень несправедливъ онъ въ оцѣнкѣ Бухарева, Несмѣлова, Тарѣева, единственныхъ у насъ оригинальныхъ мыслителей, порожденныхъ духовной средой. Очень несправедливъ къ Н. Федорову. О. Г. Флоровскій совсѣмъ не даетъ почувствовать тѣхъ новыхъ проблемъ, которыя беспокоили этихъ примѣчательныхъ людей, не говоритъ о своеобразіи ихъ темъ. Прочитавъ книгу о. Г. Флоровскаго вы не узнаете какъ слѣдуетъ о панхристизмѣ Бухарева, о приобрѣтеніи Христа и воплощеніи Христа во всей полнотѣ жизни (отрицательная характеристика книги Бухарева объ Апокалипсисѣ впрочемъ вѣрна). Авторъ книги главн. образ. возмущается тѣмъ, что Бухаревъ клятвoprеступникъ, ушелъ изъ монашества и женился, хотя это можетъ быть былъ его главный жизненный подвигъ. Не узнаетъ читатель книги также объ оригинальной религіозной антропологии Несмѣлова, о своеобразіи его антропологическаго доказательства бытія Божьяго, не узнаетъ и объ основной проблемѣ Тарѣева о невмѣстимости евангельской абсолютности въ

относительность исторіи. Слишкомъ легко выдается аттестатъ морализма. Н. Федоровъ для о. Г. Флоровскаго совсѣмъ не христіанинъ, хотя ни у кого въ исторіи христіанства не было такого печалованія о смерти, такой жажды общаго христіанскаго дѣла. Но характеристика Л. Толстого не только несправедлива, она просто возмутительна. Такое отношеніе къ величайшему русскому писателю, коотрый имѣлъ огромное значеніе для религіознаго пробужденія индифферентнаго русскаго общества, и есть нигилизмъ, который о. Г. Флоровскій любитъ обличать у другихъ. Даже Игнатій Брянчаниновъ вышелъ не совсѣмъ православнымъ. Св. Серафимъ Саровскій отнесенъ почему то къ главѣ объ исторической школѣ. Нравится о. Г. Флоровскому лишь историзмъ. Слишкомъ много мѣста удѣлено третьестепеннымъ и незначительнымъ богословамъ. Нѣтъ въ книгѣ основной темы, нѣтъ общей нити, если не считать такой нитью борьбу противъ романтизма.

Въ книгѣ о. Г. Флоровскаго совсѣмъ не выдѣлена проблематика русской религіозной философіи, не выдѣлено ея своеобразие по сравненію съ мыслью нѣмецкой и западной. Между тѣмъ какъ въ русской религіозной мысли иначе ставилась проблема космоса и проблема человѣка, чѣмъ въ мысли западной. О. Г. Флоровскій совсѣмъ просмотрѣлъ основную идею Богочеловѣчества, онъ видитъ въ ней лишь навѣянный Западомъ гуманизмъ. Все объясняется тѣмъ, что онъ не чувствителенъ къ религіозной темѣ гуманизма. Онъ не видитъ ущерба патристической антропологіи. Онъ совсѣмъ не понимаетъ «Смысла любви» Вл. Соловьева, совсѣмъ не можетъ оцѣнить значеніе проблемы пола у В. Розанова. Кончаетъ свою исторію о. Г. Флоровскій 17 годомъ, т. е. доводитъ его до революціи. Лучше было бы кончить XIX вѣкомъ и не вступать въ XX вѣкъ, который еще не принадлежитъ исторіи и предполагаетъ борьбу. О. Г. Флоровскій характеризуетъ о. С. Булгакова и меня до 17 года, въ то время какъ главныя наши дниги, опредѣляющія наше міросозерцаніе, написаны послѣ 17 года. Это неправильно. О. Г. Флоровскій упоминаетъ о моей книгѣ «Смыслъ творчества». При этомъ онъ совсѣмъ не говоритъ по настоящему о поставленной мной религіозной проблемѣ творчества и связанной съ ней антроподицеѣ. Характеризуетъ онъ меня, какъ нѣмца. Мнѣ безразличны такого рѣда квалификаціи. Истина не можетъ быть ни нѣмецкой, ни русской, ни французской, ни византійской, а важна истина. Важно лишь то, истинна или ошибочна мысль, которую о. Г. Флоровскій называетъ нѣмецкой. Философію Канта и Гегеля нужно опровергать не потому, что она нѣмецкая, а потому, что считаютъ ее ошибочной и ложной. Но вотъ чего требуетъ справедливость и вниманіе къ отгѣнкамъ и различіямъ мысли. Я безспорно очень

высоко цѣню нѣмецкую философію и прошелъ черезъ ея школу мысли. Но у меня есть существенное отличіе отъ нѣмецкой философіи. Я очень рѣзко выраженный персоналистъ по своему міросозерцанію. Между тѣмъ, какъ нѣмецкій идеализмъ, особенно Фихте, Гегель и въ значительной степени и Шеллингъ, были антиперсоналистами по своей тенденціи. Это философія монистическая. Я много разъ критиковалъ нѣмецкую идеалистическую философію за ея антиперсонализмъ, за отсутствіе въ ней правильно поставленной проблемы человѣка, за ея монизмъ, который мнѣ чуждъ. Въ извѣстномъ смыслѣ мнѣ даже ближе французское философское направленіе, исходящее отъ Менъ де Бирана, болѣе антропологическое и болѣе защищающее личность и свободу, хотя я никогда не подвергался прямымъ вліяніямъ французской философіи. О. Г. Флоровскій ничего не говоритъ объ этихъ различіяхъ и потому даетъ невѣрное представленіе. Это на томъ главнымъ образомъ основаніи, что я очень люблю Якова Бема и очень цѣню германскую мистику. Изъ нѣмецкихъ философовъ мнѣ въ концѣ концовъ наиболѣе близокъ Кантъ, гораздо менѣе Гегель, но и съ Кантомъ у меня огромныя различія.

Традиціонно-консервативные, старо-православные взгляды на государство и соціальную жизнь о. Г. Флоровскій не защищаетъ. Но остается непонятнымъ, что противопоставляетъ онъ соціальному утопизму, который онъ обличаетъ въ русской мысли, какъ мыслить онъ отношеніе церкви и государства, какъ опредѣляетъ границы церковнаго и внѣцерковнаго, какой соціальный строй онъ считаетъ соотвѣтствующимъ православію. Христиане Запада сейчасъ дѣлаютъ огромныя усилія опредѣлить, какой соціальный строй нужно считать соотвѣтствующимъ требованіямъ христіанской совѣсти. О. Г. Флоровскій сохраняетъ за собой секретъ и это оставляетъ ложное впечатлѣніе отъ книги. Секретъ этотъ связанъ съ мифомъ объ извѣстномъ автору «истинномъ» православіи, «истинномъ» богословіи, «истинной» патристикѣ. Проповѣдь аскетизма и подвига у о. Г. Флоровскаго производитъ впечатлѣніе риторики и она совершенно безплодна. Онъ говоритъ о богословской проблематикѣ, о богословскомъ творествѣ, но совершенно неясно, какое богословское творчество онъ разрѣшаетъ и какую новую богословскую проблематику онъ признаетъ. Онъ защищаетъ и охраняетъ традиціонное православіе, но въ сущности никакихъ авторитетовъ онъ не признаетъ. Съ нимъ происходитъ то же, что со многими другими представителями ортодоксіи. Онъ хочетъ, чтобы гооврилъ Богъ и церковь, а не человѣкъ. Но Богъ и церковь всегда говорятъ то, что онъ говоритъ. Это безвыходный кругъ. Несмотря на всѣ свои недостатки, книга о. Г. Флоровскаго можетъ быть очень рекомендована для

чтенія, она можетъ быть прочитана съ большимъ интересомъ и большой пользой. Книга разрушаетъ для современныхъ невѣжественныхъ поколѣній ложную вѣру въ авторитеты, наивную вѣру въ непогрѣшимость митрополитовъ и епископовъ и въ неизмѣнную истинность и абсолютность православія старой, дореволюціонной Россіи. Православія же самого о. Г. Флоровскаго не рѣшатся заподозрить. Книга обнаруживаетъ противорѣчивость и слабость исключительно охранительнаго православія и отрицательнымъ путемъ возвращаетъ къ темамъ и проблемамъ русской религіозной мысли XIX и XX вѣка. Эта мысль имѣетъ свои границы и частично устарѣла, современная мысль болѣе изощрена, но вниманіе къ ея проблематикѣ необходимо для живого, не омертвѣвшаго христіанства.

Николай Бердяевъ.